

ГЕННАДИЙ НИКОЛА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Studia Rossica Posnaniensia 39, 253-262

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

SEMANTIC WORD FORMATION IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВ

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of semantic word-formation in the history of the Russian language. Considering the way in which secondary language signs are formed, it is possible to speak about the semantic derivation with reference to the final period of semantic syncretism in the history of Russian (end of the 14th century).

Геннадий Николаев, Казанский университет, Казань – Россия.

Семантическая деривация – это, как известно, образование новых вторичных номинативных единиц путем изменения семантики базовой первичной единицы без изменения ее формальной (прежде всего морфемной) стороны. Установлено, что семантическая деривация свойственна как для лексики, так и для морфологии, являясь одним из свидетельств взаимосвязи и взаимодействия слово- и формообразования. Например: *голова* (часть тела) и *голова* (староста украинской или южнорусской деревни), *успевать* (к сроку) и *успевать* (в школе) и др. – семантическая деривация в лексике; „*Завтра я иду в театр*” или „*Отнимите у меня перо – и я помер*” (Чехов) – семантическая деривация в морфологии. Казанские историки языка, вслед за В.М. Марковым, опираясь на идеи А.А. Потемни¹ и Л.В. Щербы², квалифицируют семантическую деривацию в лексике как *семантическое словообразование*³, а семантическую деривацию в морфологии как *семантическое формообразование*⁴.

¹ А.А. Потемня, *Из записок по русской грамматике*, т. 1–2, Москва 1958, с. 15–16.

² Л.В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград 1974, с. 290–291.

³ В.М. Марков, *О семантическом способе словообразования в русском языке*, Ижевск 1981. См. также: Н.М. Шанский, *Лексическая деривация в русском языке*, „Русский язык в школе” 1977, № 3, с. 9–16.

⁴ Г.А. Николаев, *Семантическое формообразование в русском языке*, [В:] *Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной*, Омск 2003, с. 88–97.

Вопрос этот дискуссионный. Большинство лингвистов считает, что результатом семантической деривации в лексике является не новое слово, а новое значение базового слова, его лексико-семантический вариант. Что касается семантической деривации в морфологии, то ее относят к контекстуальному употреблению соответствующей формы слова. Не вдаваясь в дискуссию по этой проблеме (ее до сих пор не получилось из-за позиции сторонников полисемии, которые отрицают мнение оппонентов, требуют от них солидных аргументов, не приводя в защиту полисемии ни одного своего, так как считают ее само собой разумеющейся истиной), а опираясь на те аргументы, которые существуют в упомянутой выше литературе, приведу здесь одно мнение А.А. Потебни относительно контекстных употреблений слов и форм слова:

Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи, слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет⁵.

Особенно это касается грамматической формы слова, так как „нет формы, присутствие и функция коей узнавалась бы иначе, как по смыслу, т.е. в связи с другими словами и формами в речи и языке”⁶.

Термин „семантическая деривация” связывают с именем Д.Н. Шмелева. Однако суть этого явления рассмотрена еще в XIX веке А.А. Потебней и М.М. Покровским. Собственно говоря, именно эти двое ученых и являются основателями раздела исторической семасиологии русского языка (и других языков индоевропейского типа). При этом, если Д.Н. Шмелев видит результатом семантической деривации лексико-семантический вариант слова (лсв), то А.А. Потебня, не применяя термина семантическая деривация, относит результаты соответствующих семантических процессов к новым словам (омонимам).

Современные сторонники полисемии окончательно запутали вопрос о единстве и тождестве слова. Так, оказывается, что слово *глубокий* имеет разные значения, позволяющие выступать ему в сочетаниях *глубокая река*, *глубокая страсть*, *глубокая мысль* и др. Слово *голова* у составителей современных словарей имеет двойную родовую характеристику: женского рода – в значении ‘часть тела’ и мужского рода – в значении ‘староста деревни’. А категория одушевленности-неодушевленности вообще не учитывается. Признавая единство лексического и грамматического в слове, они не следуют этому положению в исследовательской практике. Показательно, что к омонимам они относят только такие

⁵ А.А. Потебня, *Из записок по русской грамматике...*, указ. соч., т. 1-2, с. 42.

⁶ Там же, с. 45.

хрестоматийные случаи, как *ключ* и *коса*. Д.Н. Шмелев, в отличие от своих единомышленников, признает право на существование и другой точки зрения на явление полисемии, хотя и не разделяет ее, и старается обосновать свои взгляды⁷. Но убедительных аргументов Д.Н. Шмелев и другие сторонники полисемии пока не нашли.

В.М. Марков считает, что основанием выделения нового слова при семантическом словообразовании является постановка слова в иной лексический ряд (т.е. смена денотата). Например, с одной стороны, – *нос, рот, уши, лоб, губы* и т.д.; с другой, – *нос, корма, ют, бак, палуба, камбуз* и т.п. С.П. Лопушанская, принимая эту точку зрения, но учитывая разные стадии развития семантики слова, выделяет семантическую деривацию (при смене денотата) и семантическую модуляцию (при сохранении денотата)⁸. Примером семантической модуляции может служить приведенное Д.Н. Шмелевым в упомянутой работе прилагательное *новый*⁹.

И тем не менее в этих вопросах еще очень много неясного. Чтобы проиллюстрировать эту свою мысль, я хочу привести здесь анекдот А.П. Чехова, который использует и В.М. Марков в своей брошюре *О семантическом способе словообразования в русском языке*. Это короткий анекдот *Когда козел бывает свиньей?* из подборки *Майонез*:

Повадилса к нашим козам чей-то козел ходить, - рассказывал один помещик. – Мы взяли и побили его. Он продолжал все-таки ходить. Мы его выпороли и к хвосту его палку привязали. Но и это не помогло. Подлец все еще продолжал лазить к нашим козам. Хорошо же! Мы его поймали, насыпали ему в нос табаку и вымазали скипидаром. После этой экзекуции он не ходил три дня, а потом опять начал ходить. Ну не свинья ли он после этого?

В.М. Марков однозначно считает, что здесь мы имеем дело с омонимией. Ученый пишет:

Использование семантических вариаций одного и того же слова, конечно, не вызвало бы того комического эффекта, который достигается неожиданным столкновением именно омонимов, самая разность которых в данном случае функционально важна¹⁰.

Здесь мы имеем дело с шуточной „игрой слов“, „которая весьма определенно указывает на наличие двух самостоятельных лексем“ [там же]. Действительно, каламбуры строятся обычно на омонимии. Ср., напри-

⁷ Д.Н. Ш м е л е в, *Современный русский язык. Лексика*, Москва 1977, с. 81–86.

⁸ С.П. Л о п у ш а н с к а я, *Семантическая модуляция как речемыслительный процесс*, „Вестник ВолГУ. Сер. 2: Филология“ 1996, вып. 1, с. 6–13.

⁹ Д.Н. Ш м е л е в, указ. соч., с. 86.

¹⁰ В.М. М а р к о в, указ. соч., с. 17.

мер, каламбурные анекдоты из „Письмовника“ Н. Курганова, обыгрывающие омонимию *трогать* (касаться и волновать) и *прозябать* (прорастать и замерзать). Или каламбур Н.В. Гоголя: „Тут голова поднял палец вверх и голову привел в такое положение, как будто бы она прислушивалась к чему-нибудь“ (*Майская ночь*).

Сторонники семантического словообразования считают, что семантическая деривация может сопровождаться фонетическими и грамматическими изменениями, вплоть до смены части речи при субстантивации, адвербиализации и адъективации. Так, смена ударения при семантической деривации в случае *остротá* > *острóта* способствовала отнесению семантического производного в другой словообразовательный тип. Если слово *остротá*, как и другие имена на *-отá* с ударением на окончании (ср.: *красотá*, *быстротá* и т.п.), мотивируется прилагательным, то слово *острóта*, как имена этого типа с безударным окончанием (ср.: *дремóта*, *забóта*, *зевбóта* и т.п.), мотивируется глаголом, в данном случае – *острить*. Смена ударения повлекла за собой и смену словообразовательной мотивированности, подтверждая, что в данном случае мы имеем дело с омонимией. Добавим также то, что слово *острóта* имеет полную числовую парадигму форм, в то время как слово *остротá*, как образование с отвлеченным значением, относится к *singularia tantum*.

Здесь мы выходим на проблему взаимодействия семантической деривации и морфемного словообразования и формирования на этой основе словообразовательной омонимии. Мы не будем затрагивать этих вопросов, так как они достаточно исследованы в работах казанских ученых¹¹.

Когда речь заходит об истории языка, то обычно имеются в виду ее ранние периоды. Как же обстоит дело с семантической деривацией в древнерусскую эпоху? В.В. Колесов считает, что многозначности в этот период не было, поскольку древнее слово синкретично.

В самом деле, – пишет он, – древнейшее „значение“ предстает как синкретическое представление о денотате, которое в процессе коммуникации как бы заменяет предмет во всей совокупности его признаков, в т.ч. и случайных, внешних, всегда конкретных, легко узнаваемых [...]. Подобные слова-синкреты не имели многозначности (как можно было бы воспринимать подобный синкретизм значения с позиций современного взгляда на значение слова), поскольку многозначность противопоставлена синкретизму исходного значения, как противопоставлено само отношение к денотату: он воспринимается целиком, а не по сумме своих признаков¹².

¹¹ Г. А. Николаев, *Лекции по русскому словообразованию*, Казань 2009, с. 108–112.

¹² В. В. Колесов, *Исторические основания многозначности и лингвистические средства ее устранения*, [в:] *Русское семантическое словообразование*, Ижевск 1984, с. 18.

Семантический синкретизм древнего слова доказан в ряде исследований, начиная с работ А.А. Потебни. Он был свойствен всем типам языковых значений: категориальным (недифференцированность субстантива и адъектива), грамматическим (настоящее – будущее время, актив – пассив и др.), словообразовательным (действие и его обстоятельства – результат, орудие, объект, субъект и т.д.), наконец, лексическим.

Суть синкретизма заключалась в диффузности (недифференцированности) значения слова, невозможности контекстного расчленения значений. Наиболее ярко он представлен в случае, приводимом А.А. Потебней: „Бог *спас* наш”. Это может значить и „бог *спаситель*” и „бог *спасение* наше”¹³. Говорить о полисемии здесь действительно не приходится.

Трудно сказать, применим ли к слову с синкретичной семантикой компонентный анализ. Но учитывая то, что и компонентный анализ тоже имеет свое начало и развитие, можно представить семантическую структуру древнего слова в виде набора сем, среди которых в том или ином употреблении выделяется семная доминанта, а остальные семы тоже присутствуют в каждом словоупотреблении. В результате мы и имеем диффузность значений слова.

Считается, что синкретизм разрушился к XIV веку. Но он сохранился в целом ряде случаев. Так, мы до сих пор не можем представить значение глагола в виде чистого действия, а всегда мыслим его в связи с субъектом. Например, глагол *лететь*. Мы не можем отделить при помощи контекстов значение действия и его результата в существительных, обозначающих звук (*крик, смех, писк* и т.п.). Наконец, синкретична семантика поэтического слова. Например, лермонтовский *парус*.

Хороший материал по лексическому синкретизму дает *Слово о полку Игореве*. Синкретично уже слово *плѣкъ* в заглавии поэмы. Поэт и исследователь Андрей Чернов, отмечая, что это слово могло обозначать в древнерусском языке полк, поход и битву, справедливо считает, что в заглавии оно одновременно обозначает все эти три реалии. Это и есть синкретизм. А. Чернов называет его „поэтической полисемией”¹⁴.

В дискуссии о подлинности этого восточнославянского шедевра, которая ведется с перерывами чуть ли не со времени находки поэмы, как раз и не учитывается этот момент. *Слово о полку Игореве* написано в эпоху языкового синкретизма (конец XII века). И это должно проявиться, в частности, при сравнении его с *Задонщиной*, которую скепти-

¹³ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, т. 3, Москва 1986, с. 93.

¹⁴ А. Чернов, *Поэтическая полисемия и сфрагиды автора в „Слове о полку Игореве”*, [в:] *Исследования „Слова о полку Игореве”*, Ленинград 1986, с. 271.

ки считают тем произведением, с которого будто бы было списано *Слово о полку Игореве. Задонщина*, созданная в конце XIV – начале XV вв., уже не отражает синкретизма языковых явлений.

Показательно в этом отношении известное место из *Слова: чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрытии 4 солнца*¹⁵, а въ нихъ трепещуть синіи мльніи. Исследователей, естественно, привлекает необычное сочетание *синіи мльніи*. Большинство переводов *Слова* на современный язык сохраняют его (переводы В.А. Жуковского, А.Н. Майкова, Н. Заболоцкого, В.И. Стеллецкого, Л.И. Тимофеева, Д.С. Лихачева и др.). Исключение составляет первое печатное издание памятника: *сверкаетъ въ нихъ молнія*. Издатели опускают высоко поэтическое слово *трепещуть* и *синіи*, как бы объединяя их значения в слове *сверкаетъ* – ‘ярко, ослепительно вспыхивает’ (СРЯ XI–XVII).

Однако исследователи (особенно лексикографы) дают этому месту свои интерпретации. И.И. Срезневский определяет семантику слова *синий* в этом фрагменте как ‘синеватый, отливающий голубым цветом (как эпитет молнии)’¹⁶; В.Л. Виноградова: ‘Имеющий оттенок темно-синего цвета’¹⁷; ‘Постоянный эпитет для обозначения цвета молнии’¹⁸. Как видим, разные лексикографы вкладывают разное цветовое содержание в слово *синий*: от светлого до темного.

М.Ф. Мурьянов посвятил специальную статью синим молниям в *Слове о полку Игореве*. Он считает, что выражение *синие молнии* ‘следует понимать как молнии ослепительные, от которых темнеет в глазах’¹⁹. Автор находит соответствия этому выражению в других индоевропейских языках (в частности в немецком – *blitzblau* или *Blaufeuer*). Но, главное, он принимает верное направление исследования – подкрепить это словесное выражение зримым физическим фактом, т.е. изображением молнии в средневековой живописи. В 1984 году я с группой студентов был в диалектологической экспедиции в Псковской области. При посещении Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря XII века в Пскове мы увидели, что на фреске, изображающей

¹⁵ В первом печатном издании поэмы, по которому цитируется фрагмент, использована буквенная цифра (*Ироическая пѣснь о походѣ на половцѣвъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича...*, Москва 1800, с. 12).

¹⁶ И.И. Срезневский, *Материалы для „Словаря древнерусского языка“*, т. 3, Москва 1958 (переиздание), с. 356.

¹⁷ В.Л. Виноградова, *Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“*, вып. 5, Ленинград 1978, с. 145.

¹⁸ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 24, Москва 1999, с. 150. Сокращения названий памятников даны по этому словарю.

¹⁹ М.Ф. Мурьянов, *„Синие молнии“*, [в:] *Поэтика и стилистика русской литературы*, Ленинград 1971, с. 28.

„Всемирный потоп“, сверкающие молнии переданы синим цветом. Этот факт говорит о многом, но прежде всего о том, что эти фрески и *Слово о полку Игореве* современники.

Чем же объяснить этот феномен „синих молний“? Наверное, следует согласиться с комментарием В.И. Стеллецкого к изданию *Слова о полку Игореве*: „Слово синий в древнерусском языке могло употребляться в значении «сияющий», «яркий»“²⁰. Ср. замечание В.В. Колесова: „синим иногда называли все сияющее темным блеском“²¹. Этимологи подтверждают, что слово *синий* восходит к тому же корню, что и глагол *сиять*, и первоначально имело значение „сияющий, блестящий“²². Таким образом, слово *синий* представляло собой синкрету, совмещающую цветовое значение со значением „яркий“.

Как синкрета это слово выступало в сочетании „синие молнии“, которое зафиксировано в *Слове о полку Игореве* и раннем Кирилло-Белозерском списке *Задоницы*. В ее поздних списках это сочетание превращается в *сильные молнии*, поскольку переписчику был уже не ясен смысл синкретичного древнего слова *синий*. Это лишний раз подчеркивает, что текст *Слова о полку Игореве* более древний, чем текст *Задоницы*.

Слово *синий* в значении, близком к тому, с которым оно выступает в сочетании *синие молнии*, отмечено в следующем контексте: „Явися яко пламень и ѿкий синь“ (Ж. Пр. Уст., 146). Интересная связь обнаруживается между древнерусскими контекстами и поэтическими образами раннего М. Горького: „Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит“ (*Песня о Буревестнике*).

Синкретичен в *Слове о полку Игореве* и союз *коли* в известном „золотом слове Святослава, со слезами смешанном“: „Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птичь възбиваетъ, не дасть гнезда своего в обиду“. В.М. Марков доказал, что союз здесь имеет не временное значение (как его обычно переводят) и не условное, а уступительное, с временным (а возможно, и условным) оттенком („даже если когда сокол линяет“)²³.

Формирование семантической деривации в русском языке, безусловно, могло проходить только после разрушения семантического синкретизма, т.е. начиная с конца XIV века. Выделяющиеся при распа-

²⁰ В.И. Стеллецкий, *Комментарий*, [в:] „Слово о полку Игореве“. Древнерусский текст и переводы, Москва 1981, с. 248.

²¹ В.В. Колесов, *Свет и цвет в „Слове о полку Игореве“*, [в:] „Слово о полку Игореве“: 800 лет, Москва 1986, с. 220.

²² П.Я. Черных, *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*, Москва 1956, с. 90; Н.М. Шанский и др., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1961, с. 302.

²³ Г.А. Николаев, *Виталий Михайлович Марков. 1927–2010*, Казань 2011, с. 19.

де синкреты значения оформлялись в самостоятельные слова чаще путем морфологического словопроизводства, что отразилось на росте продуктивности словообразовательных типов и моделей. Поскольку разрушение синкретизма проходило не одномоментно, а постепенно, прояснение семантики слов при помощи морфемного их осложнения фиксируется на протяжении всего древнерусского периода.

А.А. Потебня, углубленно изучавший процессы устранения „дву-смысленности имени“ (т.е. разграничения субстантива и адъектива), считал, что эту функцию выполняли, в частности, суффиксы *-*ik-* и *-*ik-* (русские *-ьць* и *-икъ*). Классическими являются слова ученого: „Побуждением к присоединению к такому существительному *молодь* суффикса *-ьць* могло быть именно желание отделить его от прилагательного *молодь* и таким образом обособить категорию прилагательного“²⁴.

Словообразовательные средства использовались и для разграничения значения действия и лица. Так, слова типа *ловь*, *бой*, совмещавшие в своей синкретичной семантике эти значения (ср.: *уловь*, но *звѣрловь*, *розбой*, но *звѣрбой* и т.п.), проясняли свою семантику путем присоединения того же суффикса *-ьць* (*ловь* – *ловьць*, *бой* – *боець* и т.п.).

Однако не все выделяющиеся семантические единицы получали морфологическое оформление. Так, например, большую группу имен составили существительные адъективного (местоименного) склонения типа *тысячьский*, *челобитная*, *подушьное* и т.п. В связи с укреплением адъектива в системе языка они в процессе развития субстантивно-адъективных отношений попали в зависимость от прилагательных. В настоящее время они рассматриваются как семантические дериваты отадъективного типа и получили название *субстантиваты*.

К этим случаям нельзя применить понятия полисемия, так как они находятся в системе разных частей речи. Правда, как мы отмечали, для сторонников многозначности это, к сожалению, не является препятствием. Однако мы ориентируемся на иные принципы.

В большинстве случаев происходит выделение семантических единиц в ходе распада синкретизма в пределах одного слова и одной части речи. Возникающая в этом случае „полисемия“ представляла промежуточное явление в семантической истории слова.

Освобождающиеся значения не могли сразу быть восприняты как новые самостоятельные языковые единицы. Они организуются в семантическую парадигму слова, в которой каждое из значений определяется отношением его к другому значению на основании, с одной стороны, чисто языковых факторов (соотношение отвлеченного и конкретного, собирательного и единичного

²⁴ А.А. Потебня, *Из записок по русской грамматике...*, указ. соч., т. 3, с. 48.

и т.д.), с другой стороны, экстралингвистических факторов соотношенности между собой обозначаемых реалий²⁵.

При этом между отдельными значениями возникают отношения первичности–вторичности, или деривационные отношения. Формируются семантические модели на основании обобщения сходных отношений в типе слов. Эти модели намечаются еще в эпоху синкретизма. Они укрепятся в дальнейшем и станут моделями семантической деривации.

Рассматривая семантические процессы в истории русского языка, мы должны учитывать еще одну особенность, характерную для языковой древности: „вторичный характер отвлеченности в истории развития человеческой мысли и языка”²⁶. Первичная конкретность языковой семантики сочеталась с ее синкретичностью. А.А. Потебня считал, что „первоначальная конкретность имени” (в частности действия) была необособлена от других его обстоятельств (в частности, результата, места и т.д.)²⁷. Это имело значение для развертывания семантических процессов в языке. Поэтому мы должны признать, что отвлеченные значения в слове искони являлись результатом семантического развития древнего слова, результатом семантической деривации, как бы мы сказали применительно к более позднему периоду истории языка.

Изменения произошли в связи с развитием глагольно-именных словообразовательных отношений, в ходе которого имена действия в качестве активной производящей базы получили инфинитивные основы. Значение действия становится в этих именах доминантным, а конкретные значения (результата, места, орудия действия и др.) осмысляются как вторичные, семантически производные. Продуктивной становится модель ‘отвлеченное → конкретное’. Однако древняя модель ‘конкретное → отвлеченное’, хотя и теряет активность, но до сих пор проявляет себя в языке. Например, в случаях типа *чай* в значении ‘чаепитие’ („пригласить на чай”), *снег* в значении ‘снегопад’ и т.п.

Случаи „прямой” и „обратной” семантической деривации отмечаются и в соотношении значений единичности и собирательности. В истории русского языка зафиксированы модели ‘единичное → собирательное’ (типа „*Лист сухой валится*” – А. Фет) и ‘собирательное → единичное’ (*прислуга* – орудийная и в доме; *моя родня* и он мне *родня*).

²⁵ Г.А. Николаев, *Историческая семасиология русского языка и связанные с ней проблемы*, [в:] *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*, Москва 1991, с. 209.

²⁶ Н.П. Романова, *Вопросы словообразования в научном наследии А.А. Потебни*, [в:] *Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія*, Київ 1985, с. 139.

²⁷ А.А. Потебня, *Из записок по русской грамматике...*, указ. соч., т. 3, с. 23.

Классическим примером конкретизации собирательных имен являются слова *женщина* и *мужчина*²⁸.

Единичность в русском языке чаще оформлялась при помощи суффиксов *-ин*, *-ина*. Например: *мордва* – *мордвин*, *скот* – *скотина*, где производящее выступает в собирательном значении, а производное – в значении единичности. Однако во второй паре слов морфологическое словообразование было осложнено семантической деривацией. В результате слово *скот* может называть единичное животное (хотя и редко), а *скотина* (часто) имеет собирательное значение. Ср.: „Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают” (Лермонтов, *Бэла*); „Корову свою не продам никому. Такая скотина нужна самому!” (Михалков, *Чудак*).

Сформировавшаяся в русском языке семантическая деривация является объективным феноменом. Все ученые сходятся в ее признании. Разногласия начинаются тогда, когда дело касается результатов семантической деривации: одни квалифицируют их как лексико-семантические варианты слова, другие – как самостоятельные слова-омонимы. Мы придерживаемся второй точки зрения.

²⁸ В.В. Виноградов, *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*, Москва 1975, с. 186–187.